

УДК 882 – 3 ББК 83.014.4

**«МЕЖЕДОМКИ», «ОБСЕВКИ», «АРХАРОВЦЫ»: ОБРАЗ
ЧЕЛОВЕКА, ОТОРВАВШЕГОСЯ ОТ РОДНОЙ СРЕДЫ В
ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ 1960 – 80-х годов**

Новожеева И. В., – соискатель

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского

В статье рассматривается типология образов человека, оторвавшегося от родного дома в творчестве В.Астафьева, Ф.Абрамова, В.Белова, В.Распутина. Анализ образов главных героев позволяет выделить единую концепцию маргинальной личности в творчестве крупнейших прозаиков деревенской прозы 1960 – 80-х годов.

The article deals with typical representation of images of humans, whom have cut themselves loose from the family and the environment in the writing by V. Astafiev, F. Abramov, V. Belov, V. Rasputin. The analysis of literary images of the main characters enables us to outline an aniseed concept of an outcast personality in the writings of prominent writers of village prose in 1960 – 80 years.

Специфика и особенности развития русской жизни в 80-е гг. XX в. оказали существенное влияние на судьбу русской деревни. Природообразная жизнь села оказалась в процессе брожения, ломки, перестройки. Критиком В. Курбатовым схвачена общая беда эпохи, ставшая нервом картины мира, изображенной на страницах деревенской прозы: «Правда в мире расшаталась, система ценностей изломалась. Добро со злом стали меняться местами» [1, 295].

О раскрестьянивание страны заговорили впрямую и откровенно. «...Старая деревня с ее тысячелетней историей уходит навсегда в небытие. – Писал Ф. Абрамов. – А это значит – рушатся вековые устои, исчезает та многовековая почва, на которой всколосилась вся наша культура: ее этика, ее фольклор и литература, ее чудо-язык» [2, 558].

Проявлением общего раскрестьянивания страны становится и негативное отношение к деревне («туберкулезный больной», которому «...нет интереса быть здоровым» [3, 35], находящийся на попечении государства), и активное или невольное презрение к деревенскому жителю, выраженное чаще всего «высокомерным взглядом ... каким

москвичи так любят одаривать всякую там деревенщину» [4, Т. 2, 374]. Для героев это мучительный, болезненный момент существования, выразившийся в своеобразной реакции, по словам профессора Степанова из «Печек-лавочек» – «деревенского высокомерия» [5, Т. 2, С. 460]. Вспомним, как в киноповести «Печки-лавочки» Иван Расторгуев отвечает командировочному, пытающемуся снисходительно-насмешливо поучать едущего «к югу» героя: «Деревенские свои замашки надо оставлять дома... надо соответственно себя вестию... вы же не у себя в деревне». Иван дает ему точное определение: «Профурсетка в штанах...» [5, Т. 2, С. 440] В такой атмосфере, когда на крестьян смотрят как на людей второго сорта, герои заводятся «с пол-оборота», ведут постоянный, внутренний, потаенный спор со своими оппонентами: «Найдутся... некоторые, будут совать в нос свое... Будут намекать, что крестьянский выходец не в состоянии охватить разумом перспективу развития страны, что крестьянин всегда будет мыслить своим наделом, пашней... Вот еще как рассуждают, Егор! – Федор посмотрел на брата, стараясь взглядом еще донести всю глупость и горечь такого рода рассуждений. – Вот еще с какой стороны приходится отбиваться. А кто ее строил во веки веков? Не крестьянин?» [5, Т. 3, С. 56].

Незримый спор города и деревни – неизменный мотив деревенской прозы. В художественном мире ее граница город – деревня не эфемерна, а реальна. Исходное основание деревенских прозаиков, определяющее отношение к городу – неустанная тревога о том, чтобы человек, уходя, не растерял всего, что было, нашел свое место, ведь, по убеждению писателей, человек хорош только на своем месте.

Уже с появлением в 1961г. повести В. Белова «Деревня Бердяевка» критик Л. Аннинский одним из первых обратил внимание на особый характер героя: «Внутренняя точка опоры у него дана человеку изначально: он ее не выбирал; и она работает до тех пор и при том

условии, что человек остается в лоне традиционной действительности. Стоит отдельному человеку выпасть...» [6, 235].

Ситуация разрыва героя с домом, ухода из деревни является определяющей и формирующей соответствующий тип героя. А.Ю.Большакова называет астафьевскую повесть «Веселый солдат» «знаковой по отношению ко всему развитию деревенской прозы в конце XX века: происходит изменение типологии героя, обусловленное уходом с исторической арены крестьянского сословия; через изображение социальных смещений, миграционных подвижек, обнаруживается процесс массового раскрестьянивания России, переход ... крестьянских потомков в деклассированное состояние» [7, 56].

Л. В. Соколова настаивает на том, что «в период 60-70-х годов писатели-традиционалисты изобразили основной национальный тип XX века, который весь прошел под знаком шукшинской метафоры: «одна нога на берегу, другая в лодке», под знаком непрерывных интенсивных, как никогда перемен. Сопrotивляющийся переменам и все-таки меняющийся русский человек, сохраняющий и теряющий важное, является главным героем времени, как и творчества В. Распутина, В. Шукшина, В. Белова, В. Астафьева» [8, 349].

Деревенская проза социологически точно и психологически тонко ставит диагноз такой личности, которая находится на границе между двумя и более социальными мирами, но не принимается ни одним из них как его полноправный участник, так называемой маргинальной.

Маргинальная личность в контексте деревенской прозы представлена несколькими вариантами: человек, оторвавшийся от рода, усвоивший иную, городскую психологию и «промежуточные герои», т. е. находящийся между деревней и городом, которые к городу не пристали, не вросли в него корнями, воплощенные в образах «обсевков» (В. Распутин, В. Шукшин), архаровцев (В. Распутин, В. Астафьев),

«межедомков» (В. Астафьев), «пришей-пристебай» (В. Шукшин), «легких людей» (В.Белов, В.Распутин) и др..

Начиная с «Последнего срока» В. Распутина на страницах деревенской прозы обосновались герои, оторвавшиеся от родной среды, – покинувшие село и перебравшиеся в город. Свое историческое лоно герой ассоциирует с «отслужившим свое старьем» [3, 228].

Концептуально значимым для такого героя становится отсутствие чувство дома, соотнесенности со своим родом. «Речь идет об утрате корней, об отсутствии исторической памяти у нас, мальчишками унесенных из родного гнезда и теперь хоть и живущим по деревням, но дороги назад уже не знающих – тоскуем по родине, как в эмиграции... Мученическая тоска по цельности человеческой жизни, по длительности рода – от дедов к внукам, когда окружает... отчий лес, и отчая река, и родные предания. Вы еще в себе это сберегли, а уж мы – нет. Новое – то поколение пойдем совсем безродное и будет называть землю впервые, как Адам, и им будет проще, а вот что нам делать...» [1, 69].

Уходя сознательно от мира патриархального, от мира праведного, человек обрекает себя на одиночество и на отсутствие Родины. «...Во всем мире сплошное одиночество! – признается В. Астафьев. – Век двадцатый, век необычайный, разъединил вовсе людей» [1,100]. Писателям понятна вся глубина этой страшной силы атеизма и опасность ситуации бессовестности, и забвения своих корней.

Вслед за Ф. М. Достоевским, полагавшим, что личность, замыкающаяся в одиночестве, «выпадает из человеческого единства, а значит и из сферы нравственного закона» [9, 222], деревенская проза утверждает мысль о противоестественности бытия личности, выпавшей из цепи своего рода. «На земле рожденный, пишет В. Астафьев, – земным человеком и быть ему надо, а не витать в небесах, не шариться в облаках, отыскивая свет и дополнительный смысл жизни» [1, 382].

Разрыв с деревней, со своим родом в контексте деревенской прозы трактуется однозначно: «оторвать человека от родины означает разрушить не только экономическую, но и нравственную сторону его жизни» [10, Т. 3, 99]. Такой герой – знак бесплодности городской почвы, где уничтожаются корни и как следствие происходит отчуждение от христианской традиции и извращение естественной, природной нравственности.

Под влиянием города в характере героя произошли существенные и значительные изменения (прежде всего в нравственно-этическом плане), и они настолько сильны, что герой выпадает из рамок культурной традиции, к которой принадлежит.

Сигналом выпадения героя-селянина из сферы культурной традиции является несложившаяся и неустроенная, «скособоченная жизнь» [11, 523], судьба «внаклон» [4, Т.1, 160], отсутствие традиционной цельности характера, а также наличие духовной эрозии.

Уходящий лад крестьянской души раскрывается на страницах произведений В. Распутина, В. Астафьева.

Смятение, сумасшедший ритм жизни, скоростной быт, бессмысленность перенапряжения, самоутверждение, свойственный мироощущению городского человека, – психологические новообразования личности селянина, отрывающегося от своего родового «я». «Куда это мы торопимся-то? – вопрошает В. Астафьев. – Отчего так немилосердны к себе и при всем нашем себялюбии?» [12, 569]. Пустоту мельтешения и бессмысленность суетной жизни подмечает и героиня В.Распутина: «На холодный ветер, как собачонку, выгнали человека, и гонит его какая-то сила, гонит, никак не даст остановиться. Самая жизнь гончей породы ... Только на бегу и кажется ему, что он живет. А как остановится – страшно. Видно, как все кругом перекошено, перекручено...» [13, 510].

Представители деревенской прозы высказывают озабоченность тем, что в современном мире все явственней обозначается тенденция к изменению архаического сознания человека.

Люди современные, по верному замечанию В. Распутина, «балованные. Легкой жизни хотят» [3, 323]. Противоестественное для земледельца стремление к «легкой жизни» оборачивается в моральном плане оскудением совести, духовных потребностей человека при росте эгоистического своекорыстия, потребительских и чувственных инстинктов. Ведь в своем устремлении к материально благополучной жизни, человек, к сожалению, не приобретает душевного равновесия.

«Деревня, – убежден В.Астафьев, – не терпит баловства и ветрогонства. Здесь надо жить трудом и заботами о семье. Главное в деревенской жизни – постоянство, остойчивость, надежность» [4, Т.1, 668].

В деревенской прозе выделены два понятия – труд на земле и семья – как основополагающие, краеугольные камни в системе мироздания. Именно отношения в семье, нравственное воспитание личности, связи ее с родной почвой, природой, культурой определяют духовную жизнь человека, всю систему его мировоззренческих устремлений.

Семья как духовное сообщество родных людей распадается в крестьянском мире. Мотив распада семейных духовных связей реализуется с помощью ситуации отказа детей от наследия родителей. Семья на грани окончательного разобщения предстает глазам умирающей старухи Анны. Давно они не навещают свою мать, а только откупаются от нее посылками и редкими письмами, единственной темой разговора при встрече становятся их детские воспоминания. В том, как сестры, успокаивая собственную совесть, упрекают друг друга в душевной черствости, а братья тщетно пытаются восстановить контакт через бутылку видится, что единственное, на чем держится семья, – мать, точнее

обязанность проводить ее в последний путь. Но и последний срок матери становится для них обузой. Мысль та же, что и в «Смерти Ивана Ильича», – родные и близкие покойного первые предают его и забывают ради своего удобства. Что касается Ивана Ильича вся гнусность обнажается только после смерти, а в повести В. Распутина – на глазах умирающей матери.

Особое внимание создатели деревенской прозы уделяют гендерному аспекту: предметом исследования в произведениях становятся особенности женской психологии, мышления и чувствования. Разрушение семьи, опасное как в социально-демографическом смысле («деревня перестала рожать» [13, 646]), так и в нравственном, писатели во многом связывают с трансформацией традиционных взглядов на женщину и на семейные отношения.

Современный человек по убеждениям В. Распутина, В. Астафьева заражен антропоцентризмом. Ноты индивидуализма и тщеславия, противоречащие исконному сознанию деревенского человека, проявляются в современном человеке. Художественные задачи обличения мещанского индивидуализма и бездуховности как явлений, осложняющий процесс современного общественного развития» реализованы в образе Гоги Герцева («Царь-рыба» В.Астафьева). Автор подробно рассказывает о герое, его родителях, жизни в экспедиции, зимовке в поселке Чуш, приводит выписки из его дневника, посвящения гордой, одинокой личности. Библиотекарша Люда очень точно охарактеризовала модную писанину Гоги – «эдакий современный Печорин с замашками мюнхенского штурмовика!» [12, 418]. Из разрозненных фактов, сцен общения с людьми в экспедиции и вне ее рождается образ самоуверенного, делового человека, обладающего определенной жизненной хваткой, профессионализмом, умением работать, но замкнутого на личных эгоистических целях. С окаменелого, надменного

лица Гоги Герцева никогда не сходилась насмешка, в которой узнавалась «ощутимая приподнятость над всякой шевелящейся тварью» [12, 423]. Гога Герцев «не считал людей ни друзьями, ни товарищами, он сам по себе и для себя жил» [12, 422]. На краю смерти оказалась Эля, которую прихватил с собой в тайгу Гога Герцев, привыкший отвечать только за себя, думать только о себе. У Гоги отсутствуют понятия совести, гражданской чести, родственной привязанности к земле, отечеству. Весьма показательной является сцена драки Гоги с Акимом. Она произошла из-за того, что Гога, спойив фронтовика Кирягу, за бутылку выменял его единственную медаль и перелил на блесну. Аким сравнивает этот факт с ограблением нищего, а Гога ему отвечает: «Плевать мне на старух, на калеку этого грязного! Я сам себе бог! А тебя накажу – за оскорбление!» [12, 425]. Однако наказал этого тренированного парня сам Аким, которому Гога не посмел ответить. Наказала Гогу и сама жизнь. «"Сам себе бог", иссосанный гальянами, изгрызенный соболушками, валялся, поверженный смертью, которая, не то что жизнь, не дает себя обмануть, сделать из себя развлечение. Смерть у всех одна, ко всем одинакова, и освободиться; от нее никому не дано» [12, 427].

Появившийся тип «загордевшего» человека имеет отрицательную авторскую оценку. В толковом словаре В. Даля «гордый» имеет множество синонимов, позволяющих понять глубоко народный смысл понятия: «надменный, высокомерный, кичливый; надутый, выношенный, спесивый, зазнающийся; кто ставит самого себя выше прочих» [14, Т.1, 378]. Отрицательный оттенок народного толкования слова позволяет уточнить и содержание этого образа в прозе В. Астафьева, В. Распутина: «загордевший», кичливый, самонадеянный человек ставит себя в опасную позицию заведомым противопоставлением себя – роду, народу, человечеству. И потому ничего, кроме растерянности, он, в сущности, испытывать в мире не может.

Символом духовного кризиса человека, утратившего душевную целостность и равновесие выступает образ заблудшей души, «маленького заблудившегося человека, отчаявшегося найти свой дом» [13, 456].

В тональности исследуемого явления, очевидно, доминирует горькое чувство от происходящих событий, от обмельчания и огрубления натуры человека, от утраты людьми совести, чистоты, достоинства. «Что сделали с русским мужиком! Как умело последовательно вывели из него душу живую, а он, бедный, и не заметил – гуляет себе, купился на красное слово и отрез к празднику. И вот вместо удали – дикость, вместо веселья – поножовщина, вместо смекалки – пронырливость...» [1, 152-153]. Это чувство горечи сопровождается состраданием к соотечественнику, погрязшему в недостойной жизни.

Эрозия вековых основ и ценностей крестьянского уклада отзывается у сельчан замутнением, и даже утратой самого смысла жизни и попытками уйти от крайне усложнившегося вопроса о нем с помощью водки.

В романе Ф. Абрамова пьянство представлено как страшное зло, которое угрожает не только физическому, но и нравственному здоровью деревни. После смерти жены пропил все домашнее имущество мастер на все руки Петр Житов; спился многострадальный труженик-христианин Евсей Мошкин. Если раньше все важные дела крестьянин начинал с молитвы, то теперь – с бутылки.

В. Астафьев говорит о том, какое социальное и человеческое зло несет в народ пьянство, как губит сильных и талантливых, калечит судьбы, разрушает семьи, души подрастающего поколения. Из-под его пера вышел литературный тип незлобивого, но липучего и надоедливого пьянчужки. Герой Астафьева, прозванный собачий кличкой «Дамка» из-за своего лающего смеха, живет бездумно и легко, пьянствует, ерничая и мешая людям. Единственной отрадой его гулевой жизни является «шпионское ремесло», подкарауливание парочек в темных углах поселка. И этот

бесшабашный мужичонка, как бы подчиняясь общему настроению поселковых мужиков, также занимается браконьерской ловлей рыбы, сочетая и бесплатный театр и наживу.

В середине 70-х годов деревенская проза с присущей ей страстностью, обрушилась на те страшные пороки современной жизни, что уродуют человеческую душу. Эта тема проходит через десятки публицистических статей В. Распутина, находит свое воплощение и в художественных произведениях В. Распутина, В. Белова, Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Шукшина.

Образ пожара как всенародной беды в одноименном рассказе В.Распутина обобщил и явления идейного хаоса, и экономического развала, и нравственного упадка. Герой повести Иван Петрович выделяет четыре главные основы, на которых строится человеческая жизнь: «дом с семьей, работа, люди, с кем вместе правишь праздники и будни, и земля, на которой стоит твой дом ... Захромает какая – весь свет внаклон» [13, 447]. В «Пожаре» В. Распутин продолжает тему «Прощания с Матёрой», рассказывает о жизни после затопления родного места и о новом человеке. Вместо уехавших в Сосновке поселились «люди легкие» [13, 418], не нуждающиеся ни в хозяйстве, ни в огороде, потерявшие, то, что Д. С. Лихачев называл «чувством оседлости» [15, Т. 2, 396]. У них одна дорога – в магазин, чтоб поесть и время от работы до работы скоротать. Да и погибло народу не своей смертью за последние четыре года почти столько же, сколько за войну. Мрачное впечатление героя усиливают беззастенчиво ворующие архаровцы. «Как и с чего произошел сворот на нынешнее раздольное житье-бытье... чтоб люди так разошлись всяк по себе, так отвернулись и отбились от общего и слаженного существования, которое крепилось не вчера придуманными привычками и законами» [13, 416]. Благодаря этим законам даже в самые тяжелые времена выживала старая деревня, но теперь их стали считать пережитком. Добро и зло

сейчас перемешались, причем добро превратилось в слабость, а зло – в силу. Пожар, вспыхнувший в деревне не только обнажает конфликт (противопоставление традиционного крестьянского мира, лада и разлада), но и раскрывает сущность личности «архаровцев». Иван Петрович, его жена Алена, Афоня Бронников, Семен Кольцов, Миша Хампо, не жалея себя, пытаются справиться со стихией, в то время как архаровцы во главе с Сашей Девяткиным грабят склады и в ярости убивают Мишу Хампо.

Пожар – символический итог национального беспамятства, духовного кризиса общества.

«Жить будем. Тяжелое это дело... жить на свете, а все равно... все равно надо жить» [13, 454 – 455], – итоговый вывод на фоне изображения пострадавшей земли создает ощущение пустоты и одиночества, ощущение бессилия, бездомности и сиротства, «будто сама Россия уходит у нас из-под ног в неведомое и чужое пространство...» [13, 448].

Результатом смены человеком ценностных ориентиров становится иждивенчество и равнодушие, опутавшие душу современника. «Совсем народишко наш шпаной и оглодом становится. Горлохват и вор – действующее лицо у нас» [1, 312]. «А народ становится все хуже и подлей, – обобщает В. Астафьев, – особенно наш, полусельский-полугородской, – межедомок ему имя» [1, 342].

Мотивы разгула низменных страстей, человеческого «дикобразья» становятся устойчивыми мотивами творчества В. Астафьева, В. Распутина, В. Шукшина.

Размышления об истоках трансформации мировоззрения сельского жителя также неразрывно связаны и осмыслением исторического прошлого страны. В романе В. Белова «Кануны. Хроника конца 20-х годов» (1972), продолжением которого стали часть вторая (1977), а затем “Год великого перелома (хроника девяти месяцев)” и “Час шестой. Хроника 1932 года” (1994-1998) изображена русская северная деревня

накануне сплошной коллективизации, во время ее проведения и в первые колхозные годы. Заявленная тема в отечественной прозе 60–70-х годов пережила (после «Поднятой целины» и других произведений деревенской тематики того периода) как бы второе рождение, оказавшись в центре внимания и С. Залыгина (повесть «На Иртыше», 1964), и Б. Можая (роман «Мужики и бабы», 1976), а также украинца В. Земляка (роман «Лебединая стая») и белорусов И. Мележа (заключительная часть «Полесской хроники») и В. Быкова (повесть «Знак беды», 1985). Роман «Кануны» пронизан стремлением вскрыть причины деградации русской деревни, ведь, по глубокому убеждению Белова, все наши беды из-за того, что загубили деревню.

Тема насилия над деревней проходит красной нитью через «Последний поклон» В. Астафьева. Писатель вспоминает трагические судьбы своих родных и односельчан, циничный «спектакль» с шутками и прибаутками [4, Т. 1, 682], в который превратилось разорение села и «угробление» [4, Т. 1, 682] крестьян. «Каким покорным многочисленным стадом брели русские крестьяне в гибельные места на мучение и смерть. Они позволяли с собой делать все, что хотела делать с ними куражливая. от крови осатаневшая власть. по дури, по норову она иной раз превосходила свое хотение. устраивала такие дикие расправы над своим народом, что даже фашисты завидовали ей» [4, Т. 1, 691].

Несомненным событием 1990-х стала публикация так называемых задержанных произведений – в первую очередь, «Поездки в прошлое» и «Белой лошади» Ф. Абрамова, не публиковавшихся при жизни писателя по цензурным причинам, так как в них была высказана жестокая правда о подавлении крестьянства как класса, об искажении народной нравственности в сталинский период. Особенную ценность этим публикациям придавало то, что их сопровождали не известные до того дневниковые записи автора, включающие важнейшие свидетельства о

мучениях репрессированных крестьян, об исторических судьбах российской деревни. Многие произведения деревенщиков («Слякотная осень» В.Астафьева) стали также новым словом об экономических перегибах в хрущевскую «оттепель», открывшим вопиющие несоответствия между традиционным крестьянским мышлением и новыми командными методами хозяйствования.

Произведения В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина отразили неустанный поиск путей духовного возрождения и преобразования человека. Стремлением «возродить в крестьянстве крестьянское» [16, 3] – признавался В. Белов в интервью газете «Правда» в апреле 1988 года, – т.е. основанный на владении землей и свободном труде земледельца лад его жизни, одухотворена вся деревенская проза. Трагической судьба русского деревенского лада наблюдается при отрыве крестьянина от земли: «сельский житель обретает себя как творец только в представленной ему свободе действий. Когда не понукают, не поучают, как пахать, что сеять, и не стоят над душой с очередным указанием» [16, 3].

Названный процесс в романе Ф. Абрамова возникает не раньше того, как пекашинцы, подобно героям Л. Н. Толстого в войне 1812 года, берут судьбу отечества в собственные руки. Начало тому положено изгнанием на колхозном собрании из председателей сталиниста Лихачева и избранием главой артели честной, смелой, прямодушной односельчанки Анфисы Мининой – настоящего мирского радателя. С народовластием, хозяйственной самостоятельностью в селе оживают те первоосновы крестьянско-земледельческого уклада, что издревле определяли его материальное благополучие и нравственное здоровье.

В условиях самоуправления, свободного от понуканий труда, готовности к самозабвению в общем деле очеловечиваются производственные и бытовые взаимоотношения сельчан. Есть в «Братьях

и сестрах» сцена, которая как непрменный сюжетного атрибут кочевала из одного нормативного советского романа в другой: пекашинцы спасают от лесного пожара рожь. Это испытание людей смертельным риском, и они выдерживают его. Но вовсе не благодаря мудрому начальству и не ради его наград. Борьба сельчан с грозящим пожрать артельный труд огнем стала, с одной стороны, их проверкой на ту самоотверженность, которая естественна в годину войны, ведь на ее полях, как некогда предки пекашинцев также жертвуют собой их мужья, сыновья, отцы и братья, а с другой – проявлением согласия-единения, соборности людей как подлинной нормы крестьянского бытия.

Таким образом, в деревенской прозе 60-80-х гг. присутствует особый тип личности – маргинальной, воплощенный в художественных образах человека, оторвавшийся от рода, усвоивший иную, городскую психологию или находящийся между деревней и городом, – архаровцев, обсевков, межедомков и т.д. Концептуально значимым для такого героя становится отсутствие чувство дома, рода, и, как следствие отсутствие традиционной цельности характера, наличие духовной эрозии, изменение архаического сознания селянина.

Отчуждение сельского человека от почвы влечет за собой извращение традиционной нравственности и неисправимые искажения национального характера.

В поисках опоры для шатающегося крестьянского мира, вечно готового съехать со всех опор, В. Астафьев взывает к традиционным столпам крестьянского лада: к христианской вере и родовой памяти. «Прежде хоть узда веры, единство собирающей под свой крест церкви удерживало от крайностей разгулявшиеся личности, а теперь, когда такой разгул именуется самовыражением и жарко лелеется как индивидуальность, то уж пощады ниоткуда не жди» [1, 232-233]. «Раньше Вас лечила природа, родовая память, наследованная баушкина кровь с ее

здоровой соразмеренностью и покоем поля, дерева, неба, родная земля лечила, потому что была вдали и далью очищена» [1, 128].

Однако выражая глубокое убеждение, что «...Россия матушка отсюда поправляться начнет. Какая-то другая, не глупо-монархическая, и не патриотически-мечтательная ... совсем иная ... пойдет из провинции» [1, 296], русские писатели убеждены, что преодолеть внутренний разлад, эгоистическую замкнутость человек может только в единении с остальным человечеством: «Уж больно разброд на земле большой и все большую скорость и силу набирающий. А противостоять бедствиям и, может быть, гибели, может уже только разумное, крепко за руки взявшееся сообщество людей, а не стадо испуганных баранов и много веков гоняющих их и рвущих стай волков...» [1, 186 -187]. Вне духовного единения людей они не мыслят существование внутренне цельной личности.

Список литературы:

1. Крест бесконечный. В.Астафьев – В.Курбатов: Письма из глубины России. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2002. – 512 с.
2. Абрамов Ф. Чистая книга: Роман, повести, рассказы, публицистика. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – С. 558.
3. Распутин В. Деньги для Марии: Повести и рассказы. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 736 с.
4. Астафьев В.П. Сочинения в 2-х т. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003.
5. Шукшин В. М. Собр. соч.: В 4-х т. – М.: Литература, Престиж книга; РИПОЛ классик, 2005.
6. Аннинский Л.А. Тридцатые – семидесятые. Литературно-критические статьи. – М.: Современник, 1977. – 271 с.
7. Большакова А.Ю. Судьбы крестьянства в русской литературе. – М.: Изд-во Ин-та педагогики социальной работы, 2002. – 88с.
8. Соколова Л. В. Духовно-нравственные искания писателей – традиционалистов 2-й половины XX в.: В. Шукшин, В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев. – Диссертация докт. фил. н. – СПб., 2005. – 365 с.
9. Роднянская И. Б. Вяч. И. Иванов. Свобода и трагическая жизнь: Исследование о Достоевском. //Достоевский. Материалы и исследования. – Л., 1980.
10. Белов В. И. Избранное. – М: ИТРК, 2002. – 608с.
11. Шукшин В. М. Позови меня в даль светлую...: Рассказы. Повести. Записные книжки. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 672 с.
12. Астафьев В.Царь-рыба: Повести, рассказы. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 960 с.
13. Распутин В. Живи и помни: Повести. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 736 с.
14. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. –М.: Русский язык, 1978.
15. Лихачев Д. Избранные работы. В 3-х т. - Л.: Худ. лит., 1987.
16. Белов В. Возродить в крестьянстве крестьянское... // Правда. 1988. 15апр.